

УДК 811.512.31
ББК 82.64.2

Д. Ш. Харанутова
кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: dkharanutova@mail.ru

Внутренняя форма слова как источник национально-культурной информации (на материале бурятского языка)¹

В статье на примере бурятских производных слов, обозначающих руководящее лицо, исследуется связь содержательной стороны номинаций с их внутренней формой, понимаемой как выраженный мотивировочный признак, лежащий в истоках образования дериватов. В ходе анализа внутренней формы слов данной тематической группы, отражающей характер логико-семантических процессов при деривации, выявляется специфика образования указанных дериватов. В основе их создания лежит образ, обусловленный горизонтальным видением мира, связанный с представлением кочевых народов о руководителе, как о человеке, находящемся впереди и ведущем за собой людей. В работе отмечается, что не во всех анализируемых дериватах данный мотивировочный признак заложен в слове, являющемся вершиной гнезда, но он обязательно формируется у мотивирующего глагола, от которого образуется субстантивированное причастие со значением руководящего лица. Представленное описание деривационных связей слов исследуемой тематической группы позволяет обобщить положение, что мотивировочный признак – не элемент собственно значения слова, а устойчивая ассоциация; следовательно, в основу мотивировочного признака кладутся прототипические образы, означивание которых определяется экстралингвистическими причинами.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, деривационные отношения, мотивированность, мотивировочный признак.

D. S. Kharanutova
Candidate of Philology, associate professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: dkharanutova@mail.ru

The Internal Form of the Word as a Source of National and Cultural Information (on the Materials of the Buryat Language)

The article deals with Buryat derivative words designating the supervising person and examines how the content of nominations is connected with their internal form which is understood as a distinct motivational sign which lies in the origins of the formation of derivatives. The analysis of the internal form of the words in this thematic group (that reflects the nature of the logical-semantic processes in derivation) reveals the specificity of the formation of these derivatives. The heart of their creation is the image caused by a horizontal vision of the world connected with nomads' representations about the leader as a person who is ahead of other people and who leads them. The paper notes that not in all analyzed derivatives the given motivational sign is incorporated in the word which is at the top of the entry, but it is necessarily formed in the motivating verb which forms the substantivized participle with the meaning of a supervising person. The presented description of derivational connections of the words in this thematic group suggests that the motivational sign is not the actual meaning of the word element but a stable association, hence, the basis of the motivational sign is formed by prototypical images defined by the extra-linguistic factors.

Keywords: internal word form, derivational relations, motivation, motivational feature.

В рамках теории деривации специфика языкового мышления тесно связана с понятием внутренней формы слова, понимаемой как выраженный мотивировочный признак, лежащий в

истоках образования слова. На основе мотивировочных признаков строятся, как известно, мотивационные отношения слов. Специфичность таких отношений, особенно в области полисемии,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-04-00585 а/Г)

заключается в том, что признаки, на которых они базируются, «не являются ни дифференциальными семантическими признаками слов, ни вообще конструктивными элементами значений. Это не элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначает слово» [8, с. 193].

Рассмотрим в этом аспекте мотивировочные признаки бурятских лексем со значением руководящего лица, начальника: *түрүүлэгшэ* `председатель`, *хүтэлбэрлэгшэ* `руководитель`, *хүтэлэгшэ* `вождь, вожак`, *ахалагша* `главарь, вожак`, *удамарша* `вожак, атаман`, *ударидагша* `вождь, руководитель, вожак`, *дахуулагша* `главарь, вожак`, *толгойлогшо* `главарь`¹.

Модель образования этих лексем одна: глагол движения → причастие, затем субстантивация причастия. Из вышеперечисленных слов наибольшей частотностью употребления в этой функции выделяется *түрүүлэгшэ* `председатель`² [7, с. 269], служит для обозначения высшего руководства республики, лиц, облечённых государственной властью: *Правительствын Түрүүлэгшэ* `Председатель правительства`, *Арадай Хуралай Түрүүлэгшэ* `Председатель Народного Хурала` и т. д.³

Изначально слово *түрүүлэгшэ*, видимо, имело значение *человек, находящийся впереди войска, предводитель*, о чём свидетельствует деривационная цепочка *түрүү* → *түрүүлхэ* → *түрүүлэгшэ*, отражающая процесс рождения деривата. Исходное слово цепочки *түрүү*: 1. первый, головной, передовой, находится впереди; 2. 1) голова (напр., колонны); 2) глава; 3) изголовье, являющееся вершиной лексико-словообразовательного гнезда, развивает две мотивационные линии. Первая связана с семой *нахождения впереди кого-л. или чего-л.* (пространственное видение); вторая обозначает какой-то временной отрезок «ранее, впервые» (в переносном значении). Первая мотивационная линия имеет продолжение в производном

түрүүлхэ `быть (или приходиться) первым; быть во главе; опережать`, далее образуется причастие *түрүүлэгшэ* (*хүн*), где реализуется тот же мотивировочный признак, заданный вершиной гнезда. При субстантивации дериват *түрүүлэгшэ* вбирает в себя значение «лица», сема «быть первым, быть впереди» актуализируется, расширяется, новое значение (переносное) «человек, ведущий за собой людей, предводитель, руководитель» закрепляется. Мотивировочный признак и значение слова – понятия разноплановые, но лексема *түрүүлэгшэ* иллюстрирует совпадение собственно значения слова с внутренней формой.

Что касается деривата *хүтэлбэрлэгшэ* `руководитель`, мотивированного глаголом *хүтэлхэ* `вести на поводу (напр. лошадь), вести (или водить) за руку; 2. Вести, руководить` и *ударидагша* `вождь, руководитель, лидер`, мотивированного глаголом *ударидаха* `руководить, вести за собой` [7, с. 287], – цепочка преобразования семантики мотивирующего происходит по тому же сценарию, как у слова *түрүүлэгшэ*. Мотивировочный признак в данных дериватах заложен в вершинном слове, что подтверждает метафорический перенос, наблюдаемый в семной цепочке этого слова.

При образовании деривата *дахуулагша* наблюдается несколько иная картина. Слово *дахаха*, возглавляющее цепочку *дахаха* → *дахуулха* → *дахуулагша*, имеет значение `следовать за кем-л., сопутствовать кому-л., сопровождать кого-л.`. Изменение значения наблюдается в его производном *дахуулха* `побуд. 1. Вести за собой, идти во главе, руководить; 2. Брать с собой; 3. Покорять, подчинять`, затем сема *вести кого-то за собой* получает развитие у интересующего нас деривата *дахуулагша* `главарь, вожак` [6, с. 180].

В акте номинации выделяется и актуализируется признак, значимый для языкового сознания бурят, характерный для кочевых народов – «вести за собой мог тот, кто находился впереди». Не во всех анализируемых дериватах этот образ, основанный на горизонтальном видении мира, заложен в слове, являющемся вершиной гнезда, но он обязательно формируется у мотивирующего глагола, от которого образуется субстантивированное причастие со значением руководящего лица. Именно данный мотивировочный признак, развившийся в результате метафорического переноса, выступает в качестве мотива и основания для создания номинации.

На примере слов исследуемой тематической группы мы видим, что мотивировочный признак – не элемент собственно значения слова, а средоточие этимологической памяти слова, «метка» первоначального концептуального осмысления его, хранитель изначального представления о нём [3, с. 247]. Внутренние

¹ Выборка составлена из Русско-бурятского словаря под ред. Л. Д. Шагдарова, Н. А. Очирова // Шагдаров Л. Д., Очиров Н. А. Русско-бурятский словарь. Улан-Удэ: «Буряад үнэн», 2008. 904 с. В данном словаре приводятся указанные толкования, хотя толгойлогшо, дахуулагша, ахалагша функционирует в бурятском языке не только в значении главарь, но и обозначают главу, человека, главного в каком-либо деле, руководителя. Слово «главарь» чаще употребляется для названия лица, правящего в криминальной сфере.

² Далее примеры и толкования слов в данной работе извлечены из Бурятско-русского словаря в 2 т. См.: Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Т. 1. А-Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006; Т. 2. О-Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008.

³ Поскольку семантика *түрүүлэгшэ* шире значения «председатель», так как обозначает должности людей, находящихся во главе любого предприятия, указывает на административные функции лица, представляется, что более точным будет толкование «руководитель».

формы вышеприведённых слов переплетены с ассоциацией, связанной с представлением кочевых народов о руководящем человеке, как о человеке, находящемся впереди и ведущем за собой людей. Приводимые в качестве примера компоненты значения слова (семы) подтверждают связь содержательной стороны производных номинаций с внутренней формой слов данной тематической группы.

Необходимо отметить, что бурятское представление о руководстве тесно связано со значением старшинства. Показательно в этом смысле образование деривата *ахалагша* `1. *Атр.* старший, главный; старший; 2. Старший *суц.*; начальник`, – изначально обращённого своей внутренней формой к идее старшинства, заданного вершиной лексико-словообразовательного гнезда *аха* `1. Старший брат; 2. *Прил.* старший`. Бурятский язык находит внутреннее соответствие между понятиями старшинства и руководства, наглядно выраженное в образованном от *аха* глаголе *ахалха* `быть старшим над кем-л., начальствовать`, где значение «начальствовать» развилось на основе первого. В данном лексико-словообразовательном гнезде присутствуют и другие дериваты, где к признаку старшинства добавляется дополнительная сема «руководящий»: ср. *ахалагшад* `собр. начальство; 2. Верховод, главарь; 3. *Ист.* староста`, *ахамад захирагша* `главнокомандующий`, *ахалалга* `руководство, главенство`, *ахадаха* `быть старшим, иметь старшинство (или первенство), начальствовать`.

Представляется, что в этих лексемах также обнаруживается глубинный признак «быть впереди, вести за собой других». Думается, что между внутренней формой данных слов существует ассоциативная связь с пространственным горизонтальным видением, ведь старший мудрее, главнее, он должен быть во главе рода, находиться впереди войска, вести за собой людей. Толкования дериватов подтверждают достоверность данного суждения, например, *ахамад захирагша* `главнокомандующий`, *ахадаха* `быть старшим, иметь старшинство (или первенство)`.

Нетрудно заметить, что образ, лежащий в основе морфологического строения *удамаршан* `вожак, атаман *перен.*; затайщик, застрельщик; 2. Кормчий *перен.*`, – не совпадает с существующим в сознании носителей языка кочевых народов мотивировочным признаком. Образование деривата *удамаршан* связано деривационно и мотивационно с лексемой *удам* `редко корень, происхождение, род; наследственность`, являющегося вершиной гнезда. Лексема *удам* является мотивирующим для глагола *удамдаха* `верховодить`, от которого образуются *удамаршан* `вожак, атаман`, *удамарша* `предводитель, во-

жак`. В данном примере базовая ассоциативная связь, существующая между признаком и предметом, в наибольшей степени его выражающем, взаимодействует (но не отождествляется) с существующими в национальном сознании параллельными ассоциациями. Хранимая в памяти ассоциация «руководить людьми может тот, кто впереди и ведёт за собой людей» позволяет языку найти внутреннее соответствие между понятиями «возглавлять» и «вести за собой». В Кратком толковом словаре бурятского языка даётся толкование *удамарша* как «*туруулэн бэ-шэнээ дахуулжа ябадаг хүн*», т. е. это человек, находящийся впереди остальных, ведущий за собой людей [2, с. 112].

Заметим, толкования бурятских слов, образующих лексико-семантическую группу слов, обозначающих руководящее лицо, даются посредством русских слов с основой *голова* (имеется в виду *глава, главенствовать* и т. д.). В русском языке слово *голова*, кстати, употребляемое в старославянском варианте *глава*, обозначает человека, руководящего той или иной группой людей: *глава страны, глава поселка, глава администрации* и т. д. В речи носителей бурятского языка можно услышать «гулба» или «гулваа» (фонетический вариант заимствованного русского слова *голова*). Что касается мотивировочного признака адаптированного слова, заимствованные слова, как правило, не обладают им, так как не дают полного представления о словообразовательном процессе. Итак, толкования слов исследуемой тематической группы и употребление заимствованного «гулба» или «гулваа» обусловлены влиянием русского языка на бурятский язык.

Необходимо отметить, что образование слова *толгойлогшо* `1. 1) глава (семьи и т. п.); 2) главарь; 2. Возглавляющий, главенствующий` не связано с влиянием русского языка, так как концепт «голова» – один из универсальных концептов «наивной анатомии», представленных в любом языке. Как отмечает Ю. Д. Апресян, голова представляет вершину иерархии органов, так как в ней локализуется мышление, интеллектуальная деятельность человека и, следовательно, именно ей принадлежит ведущая роль в организации поведения человека [1, с. 42–43]. Верховное положение головы в пространстве переосмысливается в разных языках сходным образом (бурятский – не исключение) – этот признак переносится на другие предметы: *сэсэгэй толгой* `цветок`; *хадаһанай толгой* `головка (или шляпка) гвоздя`; *ханьин толгой* `верхние концы решетчатых стенок юрты`; *эрхиин толгой* `самый крупный шарик в чётке`. Безусловно, это «результат антропоцентрического взгляда

на мир, приписывающего топологические свойства человека и частей тела неживым предметам и явлениям» [4, с. 253].

Об этом свидетельствует и семный ряд слова *толгой*: I. 1) в прямом и переносном голова; 2) парн. к *амин*; 3) глава, хозяин, руководитель; 4) вершина чего-л., реже верховье реки; 5) *перен.* о предметах, чем-л. напоминающих голову; II. *Апр.* употребл. как единица счета; III. В паратаксите части и целого, парн. к *уьэн, шэхэн*. Если ряд толкований принять за семный ряд переосмысления, то можно увидеть, что в качестве семантической основы номинации в данном случае лежат факты метафорического и метонимического переноса. В связи с этим небезынтересно отметить, что переносные значения метафорического характера у слова *толгой* обусловлены актуализацией двух сем: «круглое» и пространственное видение «верх» и «вперед», при этом пространственные ориентиры переплетаются и своеобразно преломляются; например, в словарной статье лексемы *толгой* подаётся пример *онгосын толгой* `нос лодки (или судна)`.

Данный концепт расширяется за счёт включения в него разнообразных сфер, в которых *голова* представляет организующее, руководящее начало в семье, на предприятии, в государстве. В связи с этим в лексико-словообразовательном гнезде с вершиной *толгой* присутствуют дериваты со значением руководства: кодериваты (слова, имеющие одно производящее) *толгойлогшо, толгойлолго* `возглавление`, *толгойлуулах* `побуд. ставить во главе`. Их производящее *толгойлхо* – многозначное слово: 1. Находиться во главе; главенствовать; возглавлять, руководить; 2. Вершить *обл. сомоо толгойлхо* `вершить стог`; 3. Быть главарем; 4. Направляться; 5. *Каб.* высовывать голову из воды (о нерпе). Следует отметить, в конфигурации значений слова *толгойлхо* наряду с семой «верх» представлена сема «вперед»: в семной цепочке данного деривата

четвёртое значение «направляться». Пространственная сема проиллюстрирована примером *хонид баруун тээшээ толгойлбо* `овцы направились направо (если человек по отношению к ним стоит лицом на юг)`. Думается, в лексеме *толгойлогшо* также выражено внутреннее соответствие между вертикальным видением «возглавлять» и горизонтальным «быть впереди».

Приведённый языковой материал свидетельствует о том, что существуют закономерности при номинации слов одной тематической группы и не всегда мотивировочный признак входит в значение мотивирующего слова. В бурятском языке при обозначении руководящего лица мотивировочная основа представляет семантический перенос на основании горизонтального видения мира, обусловленный, очевидно, кочевым образом жизни монгольских народов, наиболее актуальным признаком для наименования лица – руководителя, является *положение впереди*, которое позволяет вести за собой людей. В случае с дериватами *ахалагша, удамаршан* и *толгойлогшо* сема старшинства и пространственного (более высокого) положения преломляется с горизонтальным видением: *тот, кто старше, кто стоит во главе рода, он – впереди, ведёт за собой остальных*. Представляется, что в сознании носителя бурятского языка существует устойчивая ассоциативная соотнесённость с признаком, связанным с представлением наших предков о руководителе, вожаке.

Таким образом, небольшой фрагмент языкового сознания носителя бурятского языка доказывает положение, что означивание реалий в бурятском языке определяется экстралингвистическими факторами. В основу мотивировочного признака кладутся прототипические образы, причина возникновения которых лежит в образе жизни человека, в его деятельности и связанных с ними отношениях.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды. Т. 1. М.: Восточная литература, Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
2. Краткий толковый словарь бурятского языка. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1992. 176 с.
3. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. Киев: Знания, 2004. 326 с.
4. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
5. Шагдаров Л. Д., Очиров Н. А. Русско-бурятский словарь. Улан-Удэ: Буряад үнэн, 2008. 904 с.
6. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Т. 1. А-Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. 636 с.
7. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Т. 2. О-Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. 708 с.
8. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

Статья поступила в редакцию 23 ноября 2011 г.